

ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ, ИЛИ ДИСКУССИЯ В СОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛИТЕ В АПРЕЛЕ 1928 Г.

Фельдман М. А.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, feldman-mih@yandex.ru

УДК 329(47+57)''1928''

ББК 66.69(2),2+63.3(2)614-2

В предлагаемой статье сделана попытка рассмотреть дискуссию на Апрельском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) как частный момент столкновения двух основных составляющих векторов советской истории: реализации модернизационного индустриального проекта – и утопического – пути форсированного «социалистического строительства». Открытое изложение своих взглядов сторонников и противников Нэпа (даже при наличии внутренней цензуры и патроно-клиентских отношений) продемонстрировало, что часть большевистской элиты оказалась способной к эволюции своих взглядов, к восприятию элементов научного видения экономики и социального развития без приоритета насилия. Дискуссии на Апрельском Пленуме ЦК ВКП (б) отразили два достаточно противоречивых подхода к реализации «советского проекта», но, несмотря на все усилия Сталина и его сторонников, резолюции Пленума нацеливали на продолжение Нэпа, как пути наименее конфликтного и наиболее эффективного пути модернизации страны; политики, направленной на возможно более быстрое развитие разных форм кооперации; взаимодействия различных секторов многоукладной экономики.

Ключевые слова: партия, Пленум, социализм, экономика, сельское хозяйство, чрезвычайные меры, шахтинское дело, доклад, дискуссия.

THE UNITY AND STRUGGLE OF OPPOSITES, OR THE DEBATE IN THE SOVIET PARTY-STATE ELITE IN APRIL 1928

Feldman M. A.

Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Yekaterinburg. 8th March str., 66, feldman-mih@yandex.ru

In the article an attempt is made to consider the discussion at the April (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) as a private moment of collision the two major components of the vectors of the Soviet history: the implementation of modernization of industrial project – and utopian – the way of forced “socialist construction”. An open presentation of his views of supporters and opponents of the NEP (even if it’s an internal censorship and patron-client relationships) have demonstrated that the part of the Bolshevik elites were able to evolve their views, the perception of the elements of a scientific vision of economic and social development without priority of violence. The discussions at the April Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) reflected two rather contradictory approaches to the implementation of the “Soviet project”, but, despite all the efforts of Stalin and his supporters, the resolutions of the plenary focused on the continuation of the NEP as a way of the least conflict and the most effective way of modernization of the country; policies aimed at the fastest possible development of different forms of cooperation; mutual actions of different sectors of the mixed economy

Key words: party, Plenum, socialism, Economics, agriculture, emergency response, mining case, the report, discussion.

«У нас был чисто деловой пленум; без внутренней партийной драки; без внутрипартийных обострений» – так характеризовал Апрельский (1928 г.) пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) И. В. Сталин [1]. Насколько можно доверять такой оценке генерального секретаря ЦК ВКП (б), высказанной спустя два дня после окончания Пленума? Насколько она отражает реальный исторический процесс, зная о том, что Апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) начинал двухлетний цикл дискуссий сторонников и противников Нэпа на Пленумах ЦК ВКП (б)? В исторической литературе сложилась устойчивая практика изучения материалов Апрельского (1928 г.) пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) либо в контексте аграрной истории [2], либо – в рамках складывания тоталитарного режима [3].

Глубокий и содержательный комментарий В. П. Данилова и О. В. Хлевнюка к первому тому пятитомника «Как ломали Нэп» [4] главное внимание уделяет вопросу о хлебозаготовках, а проблему «Шахтинского дела» позиционирует только как «кампанию выявления вредительства в промышленности». По мнению В. П. Данилова и О. В. Хлевнюка, внесших значительный вклад в понимание событий конца 1920-х гг. в СССР, «Апрельский пленум лишь зафиксировал ключевые проблемы периода, оставляя открытыми разные возможности их решения» [4, С. 33].

В предлагаемой читателям статье сделана попытка рассмотреть дискуссию на Апрельском (1928 г.) Пленуме как частный момент столкновения двух основных составляющих векторов советской истории: реализации модернизационного индустриального проекта – и утопического – пути «социалистического строительства».

Каждый из названных векторов имел конкретное историческое наполнение; в апреле 1928 г. практика многоукладной экономики в рамках «Нэпа» вызвала различное восприятие у представителей руководящего органа правящей партии. Вместе с тем, дифференцированные подходы к оценке «новой экономической политики» определялись воздействием ряда иных факторов: решениями XV съезда партии (декабрь 1927 г.), нацеливающими на продолжение курса Нэпа, сумевшего за короткий срок «с достаточной убедительностью ... через развертывание рыночных отношений активизировать наличные производительные силы страны, обеспечить общий хозяйственный подъем» [5]; положениями проекта Первого пятилетнего плана, в основе которого лежало сохранение многоукладной экономики [6]. Участники Пленума были знакомы с выводом Проекта плана: «В ближайшие годы, до тех пор, пока эффективность новых вложений не выявится с достаточной силой ... нет смысла форсировать обобществление» [6, С. 45]. У части советской элиты (прежде всего – хозяйственной, близкой к главе СНК СССР

А. И. Рыкову, Госплану во главе с Г. М. Кржижановским); постепенно складывалось представление о Нэпе, как о долговременном историческом этапе раннесоциалистического развития.

Указанным факторам явно противоречили догмы марксистской идеологии, связанные с отрицанием рыночной экономики и частной собственности, а также курс на «мировую революцию», нашедший выражение в деятельности Коминтерна. Порожденные коминтерновской деятельностью, конфликтные ситуации во взаимоотношениях СССР с Англией и Китаем, отнюдь не содержавшие в себе военной угрозы [7], были использованы в 1927 г. сверх всякой меры, и конечно, для доказательства не только необходимости применения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок, но и в гораздо большей мере – для сосредоточения власти в руках Сталина и уничтожения любой оппозиции.

Такое многофакторное воздействие на относительно небольшую группу участников Пленума – представителей партийной, государственной, хозяйственной и профсоюзной страт – определяло и многообразие вариантов поведения большевистской элиты. Показательно, что в драматических событиях шести апрельских дней работы Пленума 1928 г. (6–11 апреля) наиболее активный сторонник Нэпа – главный редактор «Правды» Н. И. Бухарин – являлся одновременно и одним из руководителем Коминтерна, ведущего, по сути, подрывную работу в зарубежных странах, а его единомышленник – председатель СНК СССР А. И. Рыков выступил на Пленуме с докладом о «вредительстве» старых специалистов в Донбассе.

Сама структура повестки Пленума была задумана Сталиным таким образом, что обсуждение важного объективного вопроса о хлебозаготовках в рамках СССР перекрывалось и во многом дезавуировалось вопросом, связанным с субъективным вмешательством в проблему отношений власти и «старых» специалистов. Не случайно, из восьми заседаний Пленума – пять были посвящены «Шахтинскому делу». Однако, два конкретных вопроса, обсуждаемых на Пленуме, не могли быть оторваны от проблем более глобального уровня: перспектив Нэпа и характера советского государства. По точному определению С. А. Красильникова в ходе «Шахтинского дела» хозяйственники «оказались в эпицентре более системного конфликта институтов власти с рабочей массой в сфере социально-трудовых отношений» [8].

Следует добавить: оба рассматриваемых вопроса на Пленуме должны были в ситуации масштабного применения «чрезвычайных мер» в деревне вновь (вслед за решениями XV съезда в декабре 1927 г.) уточнить параметры отношений властных структур и населения и, в конечном итоге, определить характер эволюции авторитарного государства.

Можно было запустить ход работы Пленума по намеченному руслу; подобрать «нужных» докладчиков. Однако послеоктябрьское десятилетие завершилось не только организационным разгромом «левой» оппозиции. Осуждению подверглись и теоретические взгляды оппозиционеров антинэповского содержания [9]. В ожесточенных дискуссиях 1926–1927 гг. была фактически переосмыслена управленческая практика времен Гражданской войны, основанная на чрезвычайных мерах и революционном насилии. Осудив меры, предложенные Троцким в экономике, а с ними, по крайней мере, наиболее одиозные примеры «чрезвычайщины», большевистская партия оказалась на распутье: дальнейшее продолжение Нэпа означало некоторое ограничение собственного радикального прошлого и авторитарного настоящего.

Понимание подлинного содержания происходящего политических процессов не могло не встревожить Сталина и его креатуры. Выполняя прямое поручение Сталина и его сторонников в Политбюро ЦК ВКП (б), ВСНХ (Высший Совет Народного хозяйства) к XV съезду ВКП (б) (декабрь 1927 г.) разработал свой вариант пятилетнего плана «Контрольные цифры развития промышленности СССР на 1927/28–1931/32 гг.», в котором, (без необходимых экономических расчетов), темпы роста промышленности за пятилетку более чем в два раза превышали намеченные Госпланом [10]. Выбор ВСНХ в качестве главного орудия в борьбе со сторонниками многоукладной экономики был не случаен: к середине 1920-х гг. в структурах ВСНХ наметилась линия к возрождению отраслевого управления и главков, заслужившая даже в советской историографии справедливый упрек в «неоправданной централизации управления» [11].

Одновременно, начиная с 1927 г., сообщество экономистов было искусственно поделено на «настоящих» советских ученых, выступающих за создание предпосылок, позволяющих развивать производительные силы в сторону социализма» и группу экономистов, «взгляды которых носили буржуазный характер» – Н. Д. Кондратьева, В. А. Базарова, А. М. Гинзбурга, В. Г. Громана и др.) [12].

Наиболее заметным потрясением всей жизни советского общества стала апробация в декабре 1927 – январе 1928 гг. в Сибири сталинской системы репрессий, нашедшей нормативное оформление в директиве ЦК ВКП (б) от 5 января 1928 г., в которой систематизировались и оправдывались чрезвычайные меры в деревнях и селах СССР [13]. Весна 1928 г. стала временем резкого поворота в направлениях советской карательной политики [14].

Но крутой поворот политики в январе 1928 г. (вопреки решениям XV съезда партии!) к политике чрезвычайных мер вызвал недовольство боль-

шинства партийных кадров, только что защищавших Нэп от «левых уклонистов» [15, С. 10]. Отражением таких настроений части партийно-государственных верхов (включая ряд членов Политбюро) стали секретный циркуляр Наркомюста РСФСР от 25 марта 1928 г. и аналогичный циркуляр ОГПУ (от 31 марта), осуждавшие практику «чрезвычайных мер» [15, С. 19].

В такой ситуации состоялся Апрельский (1928) Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). Доклад сторонника Сталина – А. И. Микояна – «Хлебозаготовки текущего года и организация хлебозаготовительной кампании на будущий год» [16] (6 апреля 1928 г.) должен был представить участникам Пленума оценку событий зимы 1927/1928 г., оправдывающую и легитимизирующую применение «чрезвычайных мер».

Доклад А. И. Микояна – долгожителя советской коммунистической элиты – представлял весьма примечательное явление, характеризующее некоторые особенности советской «плановой» системы. Отталкиваясь от мифических и существенно завышенных показателей излишков зерна у крестьян, докладчик сообщил о, не менее завышенных, экспортных планах. Причины срыва хлебозаготовок доклад А. И. Микояна связывал с негибкостью деятельности кооперации («узкая аппаратная деятельность заготовительных организаций, конкуренция заготовительных организаций, отсутствие должной дисциплины и т.д. – ослабили нашу сопротивляемость частному рынку и кулаку»); нарушением рыночного равновесия в силу роста покупательного фонда деревни («доходы крестьян сильно выросли от продажи технических культур»; «недостаточным налогообложением кулачества» [16, С. 40, 43].

Своеобразно, докладчик разделил причины трудностей с заготовками зерна: две трети затруднений, по его словам, были связаны с несвоевременностью принятых мер «по линии экономического руководства и по линии организационной». Одна треть причин затруднений возлагалась на действия враждебного класса – «кулака в союзе с нэпманами» [16, С. 38–39]. Как видно, определенный компромисс между точкой зрения Сталина, возлагавшего всю вину за срыв хлебозаготовок на кулачество, и позицией Рыкова и Бухарина, отстаивавших приоритет нарушения рыночных принципов ведения хозяйства – был соблюден.

Тем не менее, анализ **главных причин** заготовительного кризиса в докладе не прозвучал: вне поля доклада осталась оценка «сибирского похода» Сталина, положившего начало масштабному применению репрессивных мер против крестьянства. При этом отсутствие объективных причин экономических затруднений прикрывалось пропагандистскими штампами о принципиальном осуждении «хлебовыколачивания», перегибов и ошибок; о верных действиях «мудрой, мощной, единой и дисциплинированной пар-

тии». Для участников Пленума явно двусмысленно звучали слова Микояна: «я считаю, что даже самые экстраординарные меры, которые мы принимали, ... не обозначают ни отмены нэпа, ни отмены нашей экономической политики Нэп – не путь возвращения к капитализму, а путь движения к социализму» [16, с. 49].

Доклад, оправдывавший применение «чрезвычайных мер» завершался здравицей Нэпу! Впрочем, из подобных противоречивых фрагментов и складывалось полотно советской истории.

В обсуждении доклада «Хлебозаготовки текущего года и организация хлебозаготовительной кампании на будущий год» приняли участие 23 человека. При этом вероятно, по взаимной договоренности, ни Сталин и Молотов с одной стороны, ни Рыков и Бухарин – с другой – не выступали. Но каждый участник прений точно знал, что любое его слово фиксируется, взвешивается и запоминается.

Систематизация выступлений позволяет выделить четыре группы выступающих. **Первую**, самую многочисленную, составили девять коммунистов, осудивших практику «чрезвычайных мер». Шестеро из выступивших (Н. А. Кубяк, П. П. Постышев, С. И. Сырцов, Ф. И. Голощекин, А. К. Лепа, А. И. Яковлев) занимали ответственные посты в партийном аппарате.

Секретарь ЦК Н. А. Кубяк являлся кандидатом в члены Политбюро. С учетом того, что по данному вопросу *не выступил ни один из членов Политбюро*, этот факт придавал особую значимость осуждению отступлений от Нэпа. Четверо партийных работников, соответственно, возглавляли партийные органы Харьковского окружкома, Сибирского крайкома, горкома Курска; компартии Казахстана. А. И. Яковлев занимал должность члена Центральной контрольной комиссии (ЦКК).

В. Я. Чубарь руководил СНК Украины. Р. И. Эйхе – в 1925–1929 гг. работал председателем Сибирского крайисполкома. В эту же группу входил и председатель правления Центросоюза И. Е. Любимов. Весо-мость должностей этих партийцев (восьми членов ЦК и одного кандидата в члены ЦК) не вызывала сомнений.

Что объединяло «протестантов» – сторонников Нэпа? За исключением В. Я. Чубаря и Н. А. Кубяка, избранных в состав ЦК партии в начале 20-х гг., остальные стали членами и кандидатами ЦК ВКП (б) в декабре 1927 г. на XV съезде большевистской партии, провозгласившего курс на продолжение Нэпа. Значительное обновление ЦК ВКП (б) в декабре 1927 г. [17] произошло во многом за счет управленцев, выдержавших испытание Нэпом.

Большинство участников этой группы вступили на путь революции в совсем юном возрасте в 1905 г. Рево-

люция 1905–1907 гг. придавала представителям «бухаринского поколения» склонность к идеализации рабочего класса и социалистического общества. Два прошедших десятилетия, особенно годы Нэпа, привнесли в поведенческую практику черты прагматизма. Четверо «протестантов» – представляли Украину и Сибирь – регионы наиболее пострадавшие от применения «чрезвычайных мер».

Выступления группы сторонников сохранения Нэпа всесторонне обрисовали картину произошедшего в декабре 1927 г.– январе 1928 г. Постараемся выделить главное.

«Мы оказались осенью (1927 г.) без достаточного количества товаров в деревне. ... Этого количества товаров оказалось совершенно недостаточно, и потом, уже в порядке чрезвычайно спешном, товары стали завозиться в усиленном количестве в хлебозаготовительные районы». Пониженные цены на зерно стали «главной причиной заминки, а затем и приостановки подвоза хлеба» – отметил председатель правления Центросоюза И. Е. Любимов [18, с. 61–62].

Разделяя эту позицию, Р. И. Эйхе, председатель Сибирского крайисполкома, подчеркивал: масштабы заготовок носили нереалистический характер в силу явных ошибок прогнозирования, планирования, регулирования и установления цен; это, несомненно, дало отрицательный результат на хлебозаготовках. При этом на Сибирь были возложены повышенные заготовки: вместо традиционных 7–8% всех хлебозаготовок, осенью 1927 г. установили план в 10%. В то же время в Сибирь было завезено всего 30% товаров от уровня прошлого года, а цены на зерновые культуры были явно заниженными. Вина за такую ситуацию падает не только на заготовительные органы [18, с. 67]. О настроении крестьян Сибири говорил такой факт: «письма, которые писались красноармейцами из деревни, были сплошным воплем» [18, с. 69].

Еще дальше пошел С. И. Сырцов – первый секретарь Сибирского крайкома, отметивший, что частые злоупотребления командованием и администрировано-поверхностным вмешательством со стороны наших государственных органов в работу кооперации, «подрезают кооперативную самостоятельность и мешают ее развитию». Недопустимо, чтобы госорганы наказывали выговорами работников кооперации, тем более, в ситуации, когда фактически «первая стадия заготовок проходила без промышленных товаров, что делало кампанию невыполнимой» [18, с. 113–114].

«С. И. Сырцов указал на еще одну причину трудностей: «благодаря нашим чрезмерным и неосторожным разговорам о войне, часть крестьян расценила положение власти как непрочное» [18, с. 115]. Ценой коминтерновского курса во внешней политике, как и сталинского эксперимента в деревне – стал фактор

нарастания негативных настроений середняков, испытывавших неуверенность в завтрашнем дне. Средняки «не знают, как к ним будет относиться советская власть [18, с. 77].

По мнению П. П. Постышева, «дальше так заготавливать хлеб, как мы его заготавливали в этом году, безусловно, нельзя». Одновременное форсированное взимание недоимок по налогам, платежей по кооперации, в дополнение к самообложению сельчан и крестьянскому займу привело к озлоблению крестьян; «задержали и кооперативный аппарат, и хлебозаготовителей» [18, с. 78].

Постышев говорил и о том, что властные структуры действовали в деревне «как в темном лесу», и вина за это во многом падает на ЦСУ, не располагавшего точной статистикой о количестве излишков зерна в крестьянском хозяйстве [19]. Упрек за произвольное преувеличение крестьянских запасов был адресован В. П. Милютину, однако участники Пленума хорошо знали: кто дважды заменил несговорчивых руководителей ЦСУ, заставив в разы увеличить показатели хлебофуражного запаса [20, с. 78].

Эту же мысль поддержал секретарь ЦК ВКП (б) Н. А. Кубяк, заявивший, что цифры о запасах излишков зерна в крестьянском хозяйстве «неверны и опровергнуты жизнью». В некоторых местах у крестьян оказалось изъято все зерно: «его выгребли под гребенку» – это очень опасно [20, с. 74]. Выступление А. И. Яковлева охарактеризовало ход хлебозаготовок, как пример нашего «неумения и безрукости в деле использования рычагов воздействия» на сельское хозяйство [20, с. 91].

В. Я. Чубарь не только указал главную причину срыва хлебозаготовок – недостаточную экономическую заинтересованность крестьян в условиях высоких цен на промтовары и низких – на зерно. Председатель СНК Украины отметил: *как только вводили относительно небольшую доплату (за пуд зерна) – хлеб быстро сдавали*. Доплатив одиннадцать копеек за пуд, заготовительные органы полностью решали проблему – «хлеб притекал на элеватор за сто верст». В то же время, там где применялись чрезвычайные меры – требовались дополнительные затраты на репрессивный аппарат [20, с. 106].

Ф. И. Голощекин оказался единственным из выступающих, кто вину за «перегибы» в ходе хлебозаготовок возложил не только на местные органы власти или кооператоров, но и на вышестоящие структуры. При этом сдержанная фраза Голощекина «я не смею сказать о ЦК, но думаю, что немного (виноват) и ЦК» получила одобрительную поддержку со стороны А. И. Рыкова – «на Пленуме все можно сказать» [20, с. 135].

Завершая обсуждение доклада, А. И. Лепа подчеркнул, что установки центральных хозяйственных

структур противоречили друг другу. Так телеграмма Микояна от 31 декабря 1927 г. разрешала отпускать в обмен на зерновые – дефицитные товары без ограничения, а его же телеграмма от 6 января 1928 г. говорила противоположное: «прямой товарооборот производить нельзя» [20, с. 102].

Таким образом, девять участников Пленума причиной срыва хлебозаготовок назвали бюрократическое по форме, волонтаристское по содержанию, вмешательство центральных органов власти в экономические процессы. Фамилия Сталина не прозвучала, но подразумевалась достаточно очевидно.

Ко **второй** группе выступающих можно отнести два сообщения информационного характера, с которыми к участникам Пленума обратились заместитель председателя Госплана Э. И. Квининг и нарком финансов СССР Н. П. Брюханов.

Э. И. Квининг, произнеся ритуальные слова о коллективизации, как основной линии развития сельского хозяйства, фактически дезавуировал сказанное, отметив, что для коллективизации необходимо насыщение деревни тракторами, «но с тракторами у нас крайне неблагополучно... количество тракторов у нас не увеличивается, и производственную базу – крупное сельское хозяйство, т.е. совхозы и колхозы – мы укрепить при этих количествах не можем» [20, с. 127].

Н. П. Брюханов обратил внимание на значительную роль поступлений денежных средств из деревни. Так только крестьянские займы в первом полугодии 1927/28 хоз. г. обеспечили 420 млн руб. или 14% всех бюджетных поступлений [20, с. 128]. Для понимания значимости этой цифры отметим, что сокращение поступлений валюты от продажи зерна на мировом рынке составило в первом полугодии 1927/28 хоз. г. 135 млн рублей [20, с. 134].

Фактически, оба эти выступления поддерживали сторонников Нэпа: в первом случае, обоснованием невозможности ускоренной коллективизации; во втором – указанием на ложность тезиса о враждебности части крестьянства политике Советской власти.

Третью группу составили восемь выступлений из числа второстепенных чиновников (Е. Б. Генкин, Ф. П. Грядинский, Ф. В. Симончик); руководители заготовительных организаций (И. С. Лобачев, Г. И. Каминский); представители «старых большевиков» (А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский) и заместителя наркома РКИ Д. З. Лебеда. Все они, по разным причинам, ограничились частными замечаниями в адрес сельскохозяйственной кооперации. Правда если один бывший депутат Четвертой Государственной Думы – А. Е. Бадаев – целиком и полностью одобрил «линию партии», то его товарищ по большевистской фракции в Четвертой Думе – Г. И. Петровский – завершил свою речь призывом к повышению заготовительных цен.

(«Маленькое повышение цен на хлеб для середняка, какой-нибудь гривенник, сразу создаст благоприятные отношения к партии со стороны середняцкого населения») [20, с. 81–85].

Казалось бы, представители этой группы уклонились от основного вопроса дискуссии. Однако сторонников Сталина не удовлетворяло в их речах отсутствие развернутой критики кулачества, как главного врага советской власти. Приверженцев Нэпа не устраивал тот факт, что разовое повышение закупочных цен или организационные улучшения в работе кооперации рассматривались в отрыве от выстраивания системы социально-рыночных отношений города и деревни.

Четверо участников Пленума однозначно подвержали курс Сталина: Н. М. Шверник, В. П. Милютин, М. М. Хатаевич, В. И. Иванов. Ни по возрасту, ни по образовательному уровню, ни по длительности партийного стажа они не отличались от «протестантов». Институт «назначенчества» не миновал большинства участников Пленума: частые перемещения по «горизонтали», из губернии в губернию были нормой в 1920-х гг. Дальше, вступали в силу такие факторы, как знания, убеждения, патронажные связи, характер поручений при отправлении «на места».

Первый секретарь Уральского обкома ВКП (б) (и, еще не освобожденный от обязанностей секретаря ЦК ВКП (б)) Н. М. Шверник, поддержав применение «чрезвычайных мер» в деревне, основной задачей партийных организаций видел борьбу с кулачеством и изъятие «излишков зерна» у кулаков и середняков [20, с. 88]. Эту же позицию разделял и первый секретарь Татарского обкома партии М. М. Хатаевич, призвавший к «удалению частника с хлебного рынка», а также секретарь Северо-Кавказского крайкома В. И. Иванов [20, с. 71]. «Не заметил никаких экономических перегибов» зимой 1927/1928 г. В. П. Милютин – управляющий ЦСУ, оптимистично доложивший о том, что «крестьянин входит в новый хозяйственный год с большими хозяйственными запасами, чем это было в прошлом году» [21].

Во всех выступлениях этой четверки присутствовали обвинения в адрес низового советского аппарата, кооперации, кулачества и «несознательных» середняков. Действия работников властных структур союзного и регионального звена оказались вне критики.

Как видно дискуссия по первому вопросу на Пленуме ЦК ВКП (б) в апреле 1928 г. носила не формальный характер. Осуждение «чрезвычайных мер»; нарушение решений XV съезда партии; действия, противоречащие Нэпу, были убедительно доказаны, даже без упоминания фамилий.

Однако ряд обстоятельств ослабил впечатление от прозвучавшей на Пленуме критики «чрезвычайных мер». Во-первых, в дискуссии не принимали уча-

стие «тяжеловесы» – члены Политбюро, что снижало значимость обсуждения. Во-вторых, из 70 членов ЦК ВКП (б) [22] с критических позиций выступили только восемь. Позицию большинства характеризовало выжидающее молчание. В-третьих, догмы марксизма о «враждебности» зажиточных крестьян и мелких предпринимателей «социалистическому строительству» не подвергались сомнению, что искажало восприятие действительности.

Но главное, пожалуй, заключалось в том, что сторонники Нэпа не использовали уже имеющуюся в научном обороте систему доказательств экономической эффективности сохранения многоукладной экономики. Так, например, расходы на небольшое повышение закупочных цен на зерно (на 5%), на закупки сельхозмашин окупались бы во многом за счет оборотных средств кооперации, составлявших около 760 млн руб. О финансовых возможностях кооперации говорил такой факт: если в 1926/27 г. кооперация имела собственных средств в обороте 36,5%, а заемных – 63,5%, то спустя год – соответственно, 63% и 37% [23].

В такой ситуации резолюция по данному вопросу [23, с. 317] носила противоречивый характер. Вина за срыв плановых хлебозаготовок возлагалась на «резкое нарушение рыночного равновесия», но без указания виновников [23, с. 318]. Оправдывался «удар по кулакам и скупщикам-спекулянтам, злостно спекулирующих хлебом» [23, с. 319].

В то же время, осуждению подлежали «извращения и перегибы, допущенные со стороны партийных и советских органов». Список «извращений и перегибов» в резолюции [23, с. 320] не оставлял сомнений: *перечислены были все меры, инициированные Сталиным в ходе его сибирской поездки*. Резолюция со всей определенностью подчеркивала: «новая экономическая политика» есть именно тот путь, по которому твердо идет партия и через который только и возможно социалистическое преобразование хозяйства страны» [23, с. 156–168]. Не обладая достаточной политической силой, чтобы объявить нэповские реалии враждебными. Сталин вынужден был маневрировать. Документы, принятые по вопросу о хлебозаготовках носили компромиссный характер, но осуждение «чрезвычайных мер» означало, что сражение по первому вопросу Сталин и его сторонники все-таки проиграли.

Второй вопрос пленума – открывался Докладом комиссии Политбюро «О практических мероприятиях по ликвидации недостатков, обнаруженных в связи с шахтинским делом», порученным А. И. Рыкову [23, с. 156].

Уже самое начало доклада, казалось, не оставляет никаких сомнений в его тональности. «Шахтинское дело» не только не ... раздуто – говорил А. И. Рыков, – но оно больше и серьезнее, чем можно было ждать при

раскрытии его. В основном подтвердилось то, что группа привилегированных в прошлом специалистов, из которых многие были раньше собственниками предприятий, группа, связанная с бывшими владельцами, занималась вредительской работой не только в Шахтинском районе, но и во всем Донбассе. Эта группа была связана с ...польской контрразведкой» [23, с. 157–158].

«По имеющимся сведениям» – продолжал глава СНК СССР – «вредительская группа составляла около 10% от всего состава специалистов Донбасса. Вредители вносили произвольные изменения в планы капитальных работ, направляли капиталовложения на проходку мелких неэффективных шахт [23, с. 160].

Однако, после цитирования справок ОГПУ, А. И. Рыков обратился к сущности произошедшего в Донбассе. «Приходится констатировать, что по существу органом советской власти во всем Донбассе являлся (трест) Донуголь, его правление, его ответвления на местах, причем в компетенцию хозорганов входили не только вопросы управления угольным хозяйством, но и снабжение водой населения, постройка бань; постройка и эксплуатация жилья; удовлетворение целого ряда бытовых нужд рабочих» [23].

Как видно, вопрос о вредительстве «старых специалистов» отошел на второй план, уступив место «вседозволенности» хозяйственных органов.

Развивая эту тему, Рыков отметил, что «значение местных Советов было сведено к минимуму. Мы получили по отношению к населению Донбасса, по отношению к рабочим монополию хозяйственных органов» [23, с. 162]. Кроме того, **«верхушки партийных и профсоюзных, хозяйственных организаций в Донбассе срослись под диктатурой хозяйственников»** (выделено автором статьи) Тем паче, что «многие из партийных органов жили на смете Донугля... . Произошло сращивание верхушек и отрыв от широкой рабочей массы»» [23, с. 161–163].

Отметим еще одну метаморфозу текста: доклад из плоскости «классовой борьбы» перешел в совсем другое поле – критику *«отдельных недостатков» пролетарского государства в отдельно взятом регионе*. Региональная элита оказалась оторванной от народа и мало заботилась о жизни трудящихся.

Глава правительства продолжал расставлять акценты: очевидна и «чрезвычайная слабость» профсоюзных организаций. Лидеры профсоюзных организаций «оторваны от широких масс рабочих, профсоюзов, членов партии»; практически отсутствовала критика и самокритика. «Случаев прямого преследования рабочих за критику и самокритику очень много». Очевидна и чрезмерная централизация управления: предприятия бесправны перед трестами [23, с. 168]. Доклад завершился явно не теми словами, которых ждали Сталин

и его сторонники. По мнению докладчика, «причина болезни Донбасса («шахтинского дела») заключалась в том, что массовые (партийные, профсоюзные, советские) организации работали плохо. Демократия и самокритика ... должны быть осуществлены в первую голову, и разрешение этого вопроса, ... является предпосылкой для решения всех остальных» [23, с. 169].

Если в ходе чтения доклада тема сознательного «вредительства» специалистов перестала быть центральной, то к концу выступления председателя СНК – она исчезла совсем.

Уже в первый день обсуждения доклада А. И. Рыкова – 9 апреля – началась упорная борьба мнений. В дискуссию вступили такие видные деятели партии – сторонники Сталина, как Секретарь ЦК, член Политбюро В. М. Молотов; председатель ВСНХ, член Политбюро В. В. Куйбышев; кандидат в члены Политбюро, первый секретарь компартии Украины Л. М. Каганович и ряд руководителей губернских партийных организаций (А. А. Жданов, А. А. Андреев и др.).

Задал тон секретарь Нижегородской губкома партии А. А. Жданов, заявивший о необходимости искать «шахтинцев» в каждом регионе и на каждом предприятии (!) [23, с. 185–192, 193–197]. Откровенным «спецееством» были пронизаны речи А. А. Андреева и А. С. Бубнова [23, с. 171].

Однако на каждое подобное выступление следовало фактическое опровержение. Так в речи председателя СНХ Украины К. А. Сухомлина прозвучало предостережение: для «шахтинского дела» характерна «кампанейская ударность», приносящая только вред и дающая обратный результат. «Я боюсь, что эта кампания закончится именно кампанией, а дальше будет та же беспечность» [23, с. 174].

Попытки представить хозяйственников Донбасса в качестве вредителей были пресечены секретарем ЦК компартии Украины С. В. Косиором: «нельзя шельмовать «Донуголь»: он снабжает углем всю страну» [23, с. 198–206].

В ряде случаев занимаемая должность определяла позицию выступающего. Так председатель ВСНХ В. В. Куйбышев сделал акцент не на поисках «экономических вредителей», а на недопустимости случаев «спецеества» и бесполезности сохранения среди выдвиженцев «комиссаров плохого типа» [23, с. 208].

Первый секретарь ЦК компартии Украины Л. М. Каганович, осудив «вредительство» в принципе, отметил успешную работу угольщиков Донбасса. Поддержав, по сути, принципиальные выводы доклада Рыкова, Л. М. Каганович указал на тяжелые условия жизни шахтеров. «Почему шахтеры работают по 10 часов? Если работать только шесть – то при существующих расценках умрешь с голоду» [23, с. 214–224].

Обсуждение доклада Рыкова 9 апреля явно пошло не по сценарию Сталина.

Положение должна была исправить речь В. М. Молотова [23, с. 216]. Но помимо двух шахт, затопленных в 1920–21 гг., секретарь ЦК не смог привести конкретных примеров вредительства. Куда больше оказалось фактов частой сменяемости «красных директоров», не успевающих изучить производство. «Комиссарский метод работы является типичным, во многих отношениях характерным, для наших хозяйственников» – констатировал Молотов [23, с. 218]. Тем не менее, «необходимо со всей остротой поставить вопрос о ... необходимом для коммуниста минимуме недоверия к буржуазным специалистам» [23, с. 221]. По мнению Молотова, «старые специалисты во многом сохраняли черты кастовой обособленности, что помогает прикрытию преступлений вроде «шахтинского дела» [23, с. 225].

Утро 10 апреля началось с выступления председателя правления треста «Донуголь» Г. И. Ломова. Ломов ознакомил участников заседания с сообщением о количестве арестованных специалистов: из 200–250 инженеров треста арестовано было более 120 человек. Эта же мера коснулась и сорока низших специалистов. При этом без всякого перехода было заявлено о том, что трест за 1922–1927 гг. утроил добычу угля. Если уровень добычи угля механическим путем составил в среднем по тресту порядка 23 %, то «в самом архипредательском районе – в шахтах на Власовке, Донецко-Грушевском, 63 % добычи идет механическим путем» [23, с. 232]. Такой вывод можно было бы отнести к театру абсурда, но далее, Ломов последовательно доказывал успешность работы «Донугля», и связь с этими успехами группы старых специалистов.

После выступления Ломова вся конструкция «шахтинского дела» оказалась под угрозой.

Выступление Сталина [23, с. 233–234] должно было переломить ситуацию. «Наши прения проходят в обстановке жесточайшей самокритики. Критики наших собственных ошибок. Эта волна самокритики поднялась в декабре 27 г.» – осторожно начал генсек [23, с. 234]. Но далее, рубленными фразами, Сталин стал вводить те определения, которые с конца 1920-х гг. прочно войдут в учебники. «Факты говорят, что «Шахтинское дело» – это экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших ранее угольной промышленностью» [24]. «Факты говорят, далее, что эти спецы, будучи организованы в тайную группу, получали деньги на вредительство

от бывших хозяев, сидящих теперь в эмиграции и от контрреволюционных антисоветских капиталистических организаций на Западе. Факты говорят, ... что эта группа буржуазных спецов действовала и разрушала нашу промышленность на деньги и по указанию капиталистических организаций на Западе»¹.

Сталин хорошо знал, что в основу рассмотрения «шахтинского дела» на Пленуме были положены следственные материалы, сфабрикованные органами ОГПУ [25]. Фактов, о которых так громогласно говорил генсек, не существовало в природе [26, с. 242]. Более того, сводки ОГПУ фиксировали малую степень доверия сообщениям о вредительстве людей, восстановивших шахты Донбасса [26, с. 243].

Но насколько этим «фактам» верили участники заседания Пленума? *До выступления Сталина*, все до единого, хозяйственники, включая В. В. Куйбышева; партийные работники с Украины говорили не о вредительстве специалистов, а совсем об ином. Что же изменилось после речи генсека? Практически ничего!

Первый секретарь МК ВКП (б) Н. К. Угланов предложил чаще собирать хозяйственников в партийных комитетах для товарищеских бесед; осудил практику проявления «небрежности, неразборчивости в нападениях на хозяйственников». Правда, говоря о специалистах, Н. К. Угланов весьма произвольно разбил их на две группы: «часть из них, грубо говоря, около 1/3, состоит из мошенников, саботажников и т.д., но большая же часть, – 2/3... – работает добросовестно» [26, с. 272–273]. В качестве же характерного примера был приведен случай с необоснованными нападениями на ученых из коллегии научно-технического управления ВСНХ [26, с. 273–274].

Заместитель председателя ВСНХ М. Л. Рухимович обратил внимание на то, что индустриализация требует «мобилизации и использования всех технических сил внутри страны, и привлечения технических сил по возможности извне». Поскольку к 1928 г. кадры молодых советских специалистов были немногочисленны, необходимо было максимально использовать знания и опыт «старых специалистов» [26, с. 294]. Кроме того, подчеркнул М. Л. Рухимович, очевидны блестящие успехи угольной промышленности Донбасса [26, с. 283–286].

Занимавший должность заместителя председателя СНК СССР С. К. Орджоникидзе, сделав акцент на многочисленных фактах бесхозяйственности на советских предприятиях, отметил: «больше надо не хозяйственников винить, а самих себя» (партийных работников) [26, с. 297].

¹ В 2000 г. Генпрокуратура РФ дала «Шахтинскому делу» государственноправовую оценку, сняв, спустя более 70 лет, груз обвинений с подсудимых // Красильников С. А. Шахтинский процесс 1928 г.: предварительное следствие в архивных документах // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2009. № 8. Т. 1. История. С. 60.

Другие выступавшие 10 апреля, либо обсуждали чисто профсоюзные дела, зачастую, защищая честь мундира профсоюзного работника (К. А. Акулов, М. П. Томский, Абрамов, Г. М. Жданов (Лысьва), либо – узкоотраслевые темы – вопрос о передаче части вузов в подчинение ВСНХ – (А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, Н. К. Крупская, К. Е. Ворошилов). Даже верный сторонник Сталина – Е. М. Ярославский говорил преимущественно о проблемах культурных потребностей рабочих и подготовки новой смены специалистов [26, с. 297].

Как видно, 10 апреля 1928 г. тема «вредительства», несмотря на все усилия Сталина, отошла на второй план. Это заметно отразилось и в Заключительном слове А. И. Рыкова.

«Мне кажется, – заявил глава правительства СССР, – что всех выступающих можно разделить на две группы: одни, которые **искали правых и виновных** в лице отдельных лиц или учреждений; другая часть товарищей искала **коренных причины того**, что вскрылось в шахтинском деле. Между тем, «корень событий (мы должны это твердо установить) заключается в общих недостатках методов нашей работы по всей сети партийных, профессиональных, и хозяйственных организаций» [26, с. 298].

А. И. Рыков указал на наиболее болезненную для Советской власти область общественной практики: сферу взаимоотношений партии, рабочих и специалистов [26, с. 300]. Именно это направление (а не «вредительство специалистов») он назвал «коренным вопросом нашего строительства» [26, с. 326].

Отношение партии к большинству «старым специалистам» должно выстраиваться не сквозь призму классовой борьбы, а посредством использования моральных и идеологических (пролетарских) и материальных (буржуазных) методов воздействия [26, с. 327] – резюмировал председатель СНК.

Резолюция по вопросу о «Шахтинском деле» носила компромиссный характер. Она констатировала раскрытие в Донбассе «контрреволюционной вредительской организации». С учетом того, что вредительской организации предписывался «общесоюзный масштаб и связь с иностранной военной разведкой» это открывало простор для новых репрессий против инженерно-технической интеллигенции [26, с. 327]. Тем не менее, на той же странице, резолюция утверждала, что «большая часть технической интеллигенция перешла к искреннему сотрудничеству с Советской властью».

Примечателен был раздел резолюции, посвященный профсоюзам. В нем констатировалось, что советские «профорганизации не сохраняют своего «лица», т.е. не выполняют своей особой роли в защите повседневных нужд рабочих. Говорилось и о том, что «авторитет профсоюзных работников мал, повседневная

связь с рабочими с рабочими в цехах, шахтах, казармах и т.п. слаба» [26, с. 328]. Выразителем был и раздел резолюции о партийных органах: им инкриминировалось «сведение руководства к общим декларативным резолюциям»; отсутствие контроля за принятыми постановлениями; «недостаток чуткости к заявлениям рабочих» [26, с. 328].

Резолюция отмечала, что центральные органы СССР допустили «грубые бюрократические ошибки и извращения, в частности запаздывание с утверждением хозяйственных планов. На примере Донбасса уродливо сказался чрезмерный централизм в хозяйственном управлении; очевиден излишний централизм» [26, с. 328–329].

Сопоставление вышеназванных разделов резолюции создавало *вполне определенный облик характера Советского государства*. Что же касается раздела, посвященного специалистам, в нем главное внимание уделялось мероприятиям по развитию научно-технического потенциала инженеров и техников; укреплению Промышленной академии и курсов красных директоров [27].

Задумка Сталина: дезавуировать обсуждение по первому вопросу – материалами» Шахтинского дела» не увенчалась успехом. Приведенная статистика по ходу хлебозаготовок и по тресту «Донуголь»; опасения негативной реакции крестьян на «чрезвычайные меры»; собственный опыт управленческой деятельности в годы Нэпа; подталкивали участников Пленума к сдержанной, умеренной позиции. Сказывалось и то, что даже сторонники Сталина далеко не сразу поддержали генсека в его претензиях на раскол коллективного руководства и единоначалие. В начале 1928 г. сталинская фракция существовала лишь потенциально [28].

Дискуссии на Апрельском (1928) Пленум ЦК ВКП (б) отразили два достаточно противоречивых подхода к реализации «советского проекта». Чисто внешне Пленум проходил в спокойной атмосфере, без взаимных оскорблений и даже резких выражений. В стенограмме часто встречается ремарка «смех».

Резолюции Пленума нацеливали на продолжение Нэпа, как пути наименее конфликтного и наиболее эффективного пути модернизации страны, как, используя выражение В. П. Данилова «единственно реальной политики, направленной на возможно более быстрое развитие разных форм сельской кооперации от первичных форм сбытовых и закупочных до подлинно производственных» [29].

Основные мысли ученых-экономистов, изложенные на страницах научных журналов [30]; в ходе дискуссий съездов работников госпланов [31] о том, что масса мелких производителей будет втягиваться в организацию социалистического производства через сель-

скохозяйственную кооперацию, а путь к социализму лежит через посредство рыночных отношений (через развертывание товарно-денежного оборота, позволяющего «мобилизовать все хозяйственные силы») получили отражение в выступлениях на Пленуме сторонников сохранения рациональных принципов регулирования экономики. Это означало, что часть большевистской элиты (даже при наличии внутренней цензуры и патрона-клиентских отношений) оказалась способной к эволюции своих взглядов, к восприятию элементов научного видения экономики и социального развития без приоритета насилия.

Однако это не устраивало Сталина и ту часть партии, которая не приняла Нэп. Главные сражения 1928 г. были еще впереди.

Непосредственно на Пленуме открыто обнаружилось только различия в подходах к обеспечению хлебаготовок и отношению к инженерно-технической интеллигенции. Однако за ними просматривались различные концепции социалистического строительства.

Шесть дней в апреле 1928 г. были только одним выигранным сражением, только одним моментом прозрения части большевистской элиты, сумевшей понять и осознать выводы ученых-экономистов. Но из таких моментов, и таких сражений и складывается исторический путь в длительной перспективе.

Литература:

1. Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. М., 2000. С. 401.
2. См.: Трагедия советской деревни. М., 1999.
3. Гимпельсон Е. Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. 2000. С. 292.
4. Данилов В. П., Хлевнюк О. В. Апрельский пленум 1928 г. // Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 15–33.
5. Данилов В. П. Введение. Стенограммы Пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг.: исторический источник в контексте эпохи // Там же. С. 6.
6. См.: Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1939/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану). М., 1927.
7. Голубев А. В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36–58.
8. Красильников С. А. Отечественная интеллигенция в постреволюционный и раннесталинский периоды: старое и новое в исследовательских подходах // Культура и власть в СССР. 1920–1950 е годы. Материалы девятой международной научной конференции Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. С. 34.
9. Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929.. История и личность. М., 1991. С. 358;
10. Гладков И. А. К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство . 1935 . № 4. С. 115.
11. Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013. С. 133.
12. Белянова А. М. О темпах экономического развития СССР. М., 1974. С. 23, 28, 29.
13. Данилов В. П. Введение . Стенограммы Пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг.: исторический источник в контексте эпохи // Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 9, 11.
14. Красильников С. А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. 2017. № 4. С. 1040.
15. Данилов В. П. Введение. Стенограммы Пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг.: исторический источник в контексте эпохи. С. 10.
16. Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 37–58.
17. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены 1917–1991. М., 2011. С. 67.
18. Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 61–62.
19. Данилов В. П., Хлевнюк О. В. Апрельский пленум 1928 г. С. 21–22.
20. Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 78.
21. На Пленуме присутствовали 68 человек – членов ЦК ВКП (б) – подсч. по: Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 314.
22. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б). 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 3 Пленум ЦК ВКП (б). 16–24 ноября 1928 . С. 19.
23. Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б). 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 317–323.
24. Данилов В. П., Хлевнюк О. В. Апрельский пленум 1928 г. С. 31.
25. Красильников С. А., Савин А. И., Ушакова С. Н. Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1. М., 2011. С. 66.

26. Как ломали НЭп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 242.
27. Хлевнюк О. В. Хозяин. Жизнь одного вождя. М., 2016. С. 154.
28. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2011. С. 17.
29. Ясный Наум. Советские экономисты 1920-годов. Долг памяти. М., 2012. С. 26.
30. См. например: Резолюции пятого всесоюзного съезда плановых работников // Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1939/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану). М., 1927. С. 3–5.
31. Бухаринская альтернатива // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В двух частях. Часть 2. М. 2011. Там же. С. 124.
11. Suvorova L. N. Nepovskaya multi-structure economy: between the state and the market. М., 2013. P. 133.
12. Belyanova A. M. On the rate of economic development of the USSR. М., 1974. P. 23, 28, 29.
13. Danilov V. P. Introduction. Transcripts of Plenums of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929: a historical source in the context of the era // How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (b) April 6–11, 1928, p. 9, 11.
14. Krasilnikov S. A. Between right and punishment: work in early Soviet society // Quaestio Rossica. 2017. № 4. P. 1040.
15. Danilov V. P. Introduction. Transcripts of the Plenary Meetings of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929: a historical source in the context of the era. P. 10.
16. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) 6–11 April 1928 P. 37–58.
17. Maudsley E., White S. The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its members 1917–1991. М., 2011. P. 67.
18. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) April 6–11, 1928. P. 61–62.
19. Danilov V. P., Khlevnyuk O. V. The April Plenum of 1928. P. 21–22.
20. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) April 6–11, 1928. P. 78.
21. The Plenum was attended by 68 people – members of the Central Committee of the CPSU (b) – count. on: How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) April 6–11, 1928. P. 314.
22. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (b). 1928–1929 In 5 volumes. V.3 Plenum of the Central Committee of the CPSU (b). November 16–24, 1928. P. 19.
23. How did they break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) 6–11 April 1928. P. 317–323.

References:

24. Danilov V. P., Khlevnyuk O. V. The April Plenum of 1928. P. 31.
25. Krasilnikov S. A., Savin A. I., Ushakova S. N. Shakhtinsky political process of 1928: sources in the context of the era // Shakhtinsky process of 1928: preparation, conduct, results: in 2 books. Book. 1. M.: 2011. P. 66.
26. How did they break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. T.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) April 6–11, 1928. P. 242.
27. Khlevnyuk O. Master. Life of one leader. M., 2016. P. 154.
28. Danilov V. P. History of the peasantry of Russia in the twentieth century. Selected works: in 2 hours. P. 1. M., 2011. P. 17.
29. Clear Naum. Soviet economists of the 1920s. Debt of memory. M., 2012. P. 26.
30. See, for example: Resolutions of the Fifth All-Union Congress of Planned Employees // Prospects for the Development of the National Economy of the USSR in 1926/27–1939/31. (Materials of the central commission for the five-year plan). M., 1927. P. 3–5.
31. Bukharin's alternative // Danilov V. P. History of the peasantry of Russia in the twentieth century. Selected works. In two parts. P. 2. M.2011. The same. P. 124.